

МОТИВЫ ОДИНОЧЕСТВА И СТРАХА В КНИГЕ ОЧЕРКОВ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»**К.Т.к.Абдурауфова¹**

1. заведующая кафедрой Русского языка и литературы, старший преподаватель Шахрисабзского государственного педагогического института

Mas'ul muallif: Абдурауфова
Камола Тулкинбек кизи,
заведующая кафедрой Русского
языка и литературы, старший
преподаватель Шахрисабзского
государственного
педагогического института.

Accepted: 24 Sentabr 2026

Published: 24 Sentabr 2026

Copyright: © 2026 by the
author(s). Licensee Buxoro xalqaro
universiteti ilmiy axborotnomasi.
This article is an open access
article distributed under the terms
and conditions of the Creative
Commons Attribution (CC-BY-4.0)
license.

Iqtibos uchun: Абдурауфова, К. Т.
к. МОТИВЫ ОДИНОЧЕСТВА И
СТРАХА В КНИГЕ ОЧЕРКОВ А. П.
ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН» / К.
Т. к. Абдурауфова // Вухоро
xalqaro universiteti ilmiy
axborotnomasi. — 2026. — Т. 9, №
2. — В. 355–361.

Аннотация. В статье исследуется художественная функциональность образа острова в книге очерков А. П. Чехова «Остров Сахалин» и определяется роль мотивов одиночества и страха в формировании ценностного сознания путешественника-повествователя. Остров рассматривается не как нейтральный географический фон, а как лиминальный хронотоп, соединяющий природную границу, режим каторги и опыт нравственного свидетельства. На материале пейзажных описаний, эпизодов переписи, наблюдений за бытом каторжных, поселенцев и свободного населения показано, что пространственная изоляция последовательно переводится в социальное отчуждение и экзистенциальное одиночество. Страх также имеет многоуровневую структуру: он возникает как реакция на неизвестность и опасность, поддерживается дисциплинарным насилием и достигает предельного выражения в ситуациях побега, наказания и смерти. Установлено, что одиночество и страх не исчерпываются психологической характеристикой героев: они выполняют структурно-смысловую функцию, связывая пространственный опыт путешествия с переоценкой категорий свободы, человеческого достоинства, сострадания и ответственности. Научная новизна подхода состоит в системном рассмотрении данных мотивов как посредников между островным пространством и аксиологической рефлексией путешественника. Сделан вывод, что Сахалин становится пространством испытания, где внешнее движение преобразуется в этическое и экзистенциальное познание человека.

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Остров Сахалин», путешествие, путешественник, островное пространство, хронотоп, лиминальность, одиночество, страх, свобода, каторга, аксиология, пространственная поэтика.

THE ISLAND IN THE CONCEPT OF TRAVEL AND THE TRAVELLER'S VALUE SYSTEM: MOTIFS OF LONELINESS AND FEAR IN A. P. CHEKHOV'S SAKHALIN ISLAND

Abstract. The article examines the artistic functions of the island image in A. P. Chekhov's book of essays Sakhalin Island and clarifies the role of loneliness and fear in shaping the traveller-narrator's value consciousness. The island is treated not as a neutral geographical background but as a liminal chronotope combining a natural boundary, the disciplinary regime of penal servitude, and the experience of moral witnessing. Landscape descriptions, census episodes, and observations of convicts, settlers, and free residents reveal a consistent transition from spatial isolation to social estrangement and existential loneliness. Fear also has a multilevel structure: it begins as a response to the unknown and to physical danger, is intensified by institutional violence, and reaches its limit in scenes of escape, punishment, and death. The analysis shows that loneliness and fear are not merely psychological states; they function as semantic mechanisms linking the spatial experience of travel with a reassessment of freedom, human dignity, compassion, and moral responsibility. The novelty of the study lies in interpreting these motifs as mediators between island spatiality and the traveller's axiological reflection. Sakhalin is therefore conceptualized as a space of trial in which geographical movement becomes a form of ethical and existential knowledge.

Keywords: A. P. Chekhov, Sakhalin Island, travel, traveller, island space, chronotope, liminality, loneliness, fear, freedom, penal servitude, axiology, spatial poetics.

Введение. Путешествие в русской литературе XIX века представляет собой не только сюжет перемещения в пространстве, но и особую форму познания. Дорога выводит наблюдателя за пределы привычного социального и культурного порядка, заставляет сопоставить «свое» и «чужое», центр и периферию, норму и исключение. Именно поэтому путевая проза соединяет документальную фиксацию, автобиографическую рефлексия, этнографическое наблюдение и нравственную оценку. В ней географический маршрут постепенно превращается в интеллектуальный и ценностный маршрут личности [7, с. 80–86; 8, с. 51–58].

Книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» занимает в этой традиции особое положение. Она возникла из реального путешествия 1890 года, но не сводится ни к

дорожному дневнику, ни к статистическому отчету, ни к публицистическому обвинению. В композиции книги взаимодействуют описание маршрута, перепись населения, медицинские и демографические сведения, исторические экскурсии, портреты, диалоги, пейзажи и авторские размышления. Исследователи справедливо характеризуют этот текст как многодискурсивный и пограничный: документальная точность не отменяет художественной организации материала, а, напротив, делает особенно значимым выбор деталей, пространственных ракурсов и повторяющихся мотивов [10, с. 151–176; 17, с. 87–92; 29, с. 118–132].

В современном чеховедении подробно рассмотрены жанровая природа книги, ее место в творческой эволюции писателя, документальная художественность пейзажа, сахалинский хронотоп, медицинский и колониальный дискурсы, а также духовно-ценностная система изображенного мира [16, с. 23–28; 18, с. 96–103; 23, с. 132–157; 24]. Вместе с тем связь между островным характером пространства, внутренней позицией путешественника и мотивами одиночества и страха нуждается в специальной систематизации. Существенно не только установить присутствие этих мотивов, но и определить, каким образом они переводят внешнее наблюдение во внутреннюю нравственную рефлексию.

Цель статьи — выявить художественную функциональность образа острова в чеховской концепции путешествия и определить роль мотивов одиночества и страха в формировании ценностной системы путешественника. Объектом исследования является книга очерков «Остров Сахалин», предметом — поэтическая организация островного пространства, образ путешественника-повествователя, мотивы одиночества и страха, а также связанные с ними оппозиции «свобода — несвобода», «свой — чужой», «жизнь — смерть», «дом — изгнание». Методологическую основу составили историко-типологический, структурно-семантический, мотивный, хронотопический, аксиологический и герменевтический методы.

Рабочая гипотеза состоит в том, что Сахалин функционирует в книге как лиминальный хронотоп. В его пределах привычные представления путешественника о свободе, достоинстве, справедливости, жизни и смерти проходят проверку предельным человеческим опытом. Одиночество и страх при этом выступают не только реакциями на необычную среду, но и структурно-смысловыми механизмами ценностной переориентации. Новизна предлагаемого подхода заключается в рассмотрении данной пары мотивов как посредующего звена между пространственным опытом путешествия и этическим самосознанием наблюдателя.

Теоретико-методологические основания: остров, граница, хронотоп

Категория хронотопа позволяет рассматривать пространство и время произведения как смысловое единство, определяющее не только обстоятельства действия, но и возможности человеческого поведения [3, с. 234–407]. Для путевой прозы это особенно важно: маршрут организует последовательность наблюдений, тогда как пересечение границы меняет саму оптику путешественника. Пространство в таком случае не пассивно. Оно распределяет роли, регулирует дистанцию между наблюдающим и наблюдаемым, создает ситуации выбора и тем самым приобретает аксиологическую насыщенность.

Остров является предельно выраженной моделью отграниченного пространства. В культурной семантике он одновременно связан с изоляцией и автономией, убежищем и тюрьмой, началом новой жизни и исключением из нормального мира. Т. В. Цивьян подчеркивает, что островная модель предполагает особое сознание границы и внутренней замкнутости [6, с. 151–160]. В. Н. Топоров и Ю. М. Лотман, рассматривая пространственный текст и семиотику границы, показывают, что разделение «внутри — вне» неизбежно порождает смысловую переоценку объектов, находящихся по разные стороны рубежа [4, с. 227–284; 5]. На Сахалине эта общая островная семантика осложнена функцией каторги: природная граница превращена государством в дисциплинарный инструмент.

Понятие лиминальности в данном исследовании используется для обозначения порогового состояния, в котором прежняя система координат уже не действует автоматически, а новая еще не стала устойчивой. Путешественник переходит не только пролив, но и границу между привычным социальным порядком и территорией исключения. Сахалин поэтому предстает не абсолютным «чужим миром», а деформированным продолжением России: правовые, административные и бытовые практики метрополии здесь доведены до предельной наглядности. Именно такая неполная чуждость усиливает нравственное воздействие острова.

Чеховский путешественник сочетает несколько позиций: очевидца, врача, статистика, писателя и гражданина. Он стремится к проверяемому знанию, но не устраняет собственное присутствие из текста. Его эмоциональные реакции — тревога, скука, жуткое чувство, сострадание, негодование — не разрушают документальность, а фиксируют точки, в которых факт становится нравственно значимым. Поэтому мотивный анализ должен учитывать не только частотность слов «страх», «тоска» или «одиночество», но и повторяемость ситуаций изоляции, безысходности, угрозы, молчания и стремления к выходу.

Остров как особый тип пространства в концепции путешествия

Композиционно Сахалин сначала вводится через путь к нему. Длительное движение через Сибирь, Амур и Татарский пролив создает эффект постепенного удаления от культурного центра. Однако приближение к острову не означает простого достижения цели. В начале второй главы повествователь признается: чем ближе был Сахалин, тем хуже становилось его настроение; слова офицера о невозможности свободно подойти к каторге вызывают тревогу [1, с. 53–54]. Еще до посадки остров воздействует на сознание как пространство запрета и неизвестности.

Первый зрительный образ Сахалина строится на столкновении природной красоты и инфернальной символики. Море спокойно, видны киты, но берег закрыт дымом, а пожары превращают пейзаж в тревожное

зрелище. Формула «всё в дыму, как в аду» [1, с. 54] не является случайной метафорой. Она задает код последующего восприятия: остров оказывается местом, где реальный природный ландшафт постоянно прочитывается через человеческое страдание. Как отмечает И. Ф. Мифтахов, пейзажные описания в книге выполняют документальную, психологическую и оценочную функции одновременно [18, с. 96–103].

Важно, что граница острова не совпадает только с береговой линией. Внутри Сахалина воспроизводятся новые контуры замкнутости: округ, пост, тюрьма, камера, казарма, изба, карцер. Возникает система концентрических пространств несвободы. Даже поселение, формально отличное от тюрьмы, сохраняет ее повседневное присутствие; бывший каторжный продолжает жить рядом с надзором, трудом по принуждению и памятью наказания. Поэтому оппозиция «остров — материк» проецируется на меньшие масштабы как «камера — улица», «низ — гора», «пост — тайга», «тюремная стена — открытое море».

Островное положение изначально осмыслялось администрацией как естественное преимущество каторги: море должно было стать надежной тюремной стеной. Чехов разрушает эту кабинетную логику. В XXII главе Сахалин назван *quasi insula*: пролив зимой замерзает, летом местами остается преодолимым, материковый берег виден глазом и ежедневно обещает ссыльному свободу и родину [1, с. 342–343]. Тем самым граница обнаруживает двойственность: она удерживает человека и одновременно провоцирует стремление к выходу.

Море в этой системе не только препятствие, но и ценностный экран. Для администрации оно часть охранного механизма; для беглого — смертельный риск; для поселенца — путь на материк; для путешественника — возможность дистанции и переосмысления увиденного. Похожие преобразования происходят с горой. Подъем над постом освобождает взгляд от тюремной повседневности и возвращает явлениям их нравственный масштаб. Не случайно старик Алтухов совершает свои краткие «побеги» на ближайшую гору: ему достаточно смотреть на тайгу, море и небо, чтобы хотя бы временно перестать ощущать себя заключенным [1, с. 345–346].

Пространство острова, следовательно, организовано не только горизонтально, через маршрут по населенным пунктам, но и вертикально. Низ связан с тюрьмой, грязью, теснотой и регламентом; верх — с дистанцией, дыханием, взглядом и кратким освобождением сознания. Такая вертикаль не отменяет реального заключения, но создает возможность нравственного сопротивления. Современные исследования ценностной структуры книги также отмечают значимость топосов горы, моря, маяка и дома [24]. В настоящем анализе они понимаются как пространственные опоры внутреннего движения путешественника от наблюдения к оценке.

Показателен эпизод отплытия с Северного Сахалина. Повествователь стоит один на корме; Три Брата похожи во тьме на черных монахов, шум волн передает «бессильную, зловонную тоску», затем остаются огни Воеводской тюрьмы и жуткое чувство после зловещего сна [1, с. 180–181]. Здесь пространство не описывается извне: оно проходит через сознание и превращается в память. Уход от берега не прекращает действия острова; напротив, дистанция завершает его внутреннее освоение.

Путешественник и ценностное освоение островного пространства

Повествователь «Острова Сахалин» не совпадает полностью ни с частным лицом Антоном Чеховым, ни с безличным исследователем. Его позиция формируется в самом процессе движения и общения. В первых главах он еще соотносит увиденное с ожиданиями, литературными представлениями и официальными сведениями; затем перепись дает возможность войти в дома и услышать индивидуальные голоса; в проблемных главах частные наблюдения обобщаются и становятся основанием для суждений о системе. Композиция тем самым воспроизводит ценностное освоение: от внешнего взгляда — к свидетельству, от свидетельства — к ответственности.

Перепись принципиально меняет дистанцию между путешественником и островом. Статистическая карточка направлена на типизацию, однако ответы постоянно возвращают за числом отдельную судьбу. Вопрос о семейном положении обнаруживает, что формальные обозначения «женат», «холост», «вдов» здесь не соответствуют реальности: супруги разлучены, незаконные союзы институционально поощряются, человек может числиться женатым и фактически быть обреченным на одиночество [1, с. 77–78]. Так документальная процедура становится способом увидеть разрыв между юридической нормой и человеческой жизнью.

Центральной ценностной категорией постепенно оказывается свобода. Она присутствует не как отвлеченный политический лозунг, а как телесно и пространственно переживаемая возможность: свободно дышать, выбирать направление движения, видеть дом, быть рядом с семьей, не ждать удара или приказа. Чехов показывает, что даже полученные поселенческие или крестьянские права не всегда возвращают человеку полноценную свободу. Островная среда сохраняет символический и практический статус тюрьмы; поэтому мечта о материке приобретает характер почти религиозной надежды.

«Главная же причина — это страстное желание хотя перед смертью подышать на свободе» [1, с. 279].

В этой формуле свобода непосредственно сопряжена со смертью. Человек хочет не изменить социальный статус вообще, а успеть пережить состояние настоящей жизни до ее завершения. Материк ценен не потому, что там объективно отсутствуют нужда и несправедливость, а потому, что в сознании сахалинца он воплощает право вернуться в человеческий порядок. Так возникает оппозиция «арестантская жизнь — настоящая жизнь», которая становится главным критерием оценки островного существования.

Другая основополагающая категория — достоинство. Оно нарушается не только телесным наказанием, но и повседневным превращением личности в функцию: рабочую силу, номер, объект надзора, предмет распределения. Особенно отчетливо это видно в рассказе о женщинах, которых по прибытии распределяют по

округам и хозяйствам. Повествователь не ограничивается констатацией бедности или правовой неустроенности; он восстанавливает цепь нравственной деградации, в которой унижение, голод, зависимость и насилие постепенно разрушают возможность свободного выбора [1, с. 244–258].

Сострадание в книге также лишено сентиментальной однозначности. Чехов избегает идеализации каторжных и не подменяет анализ общим сочувствием. Он фиксирует преступления, грубость, жестокость и взаимное насилие, но одновременно показывает условия, которые воспроизводят эти явления. Такая оптика не оправдывает зло, а возвращает оценке причинную глубину. В этом смысле путешествие формирует этику конкретного понимания: человеческая судьба не растворяется ни в уголовной категории, ни в статистике, ни в готовой моральной схеме.

Именно поэтому ответственность становится не только темой книги, но и принципом повествования. Путешественник проверяет сведения, сопоставляет отчеты, оговаривает неполноту материала, отделяет увиденное лично от услышанного. Эпистемологическая добросовестность имеет этический смысл: говорить о страдании другого допустимо лишь с точностью, исключаящей эффектную, но ложную картину. Сочетание ученого и художника в повествователе, отмеченное исследователями, создает особую форму нравственного свидетельства [12, с. 232–252; 13, с. 118–141].

Мотив одиночества: пространственный, социальный и экзистенциальный уровни

Мотив одиночества в «Острове Сахалин» организован многоуровнево. Его первичный уровень — пространственный. Остров отделен от материка; отдельные посты и селения разделены тайгой, болотами, горами и морем; зимой сообщение становится редким или прекращается. Служившие на дальних постах солдаты жили «совершенными Робинзонами»: несколько человек оказывались оторваны от роты на сотни верст, а однообразие нарушалось главным образом несчастьями [1, с. 308–310]. Здесь литературная ассоциация с Робинзоном лишена утопической семантики самоустройства: остров не дает автономии, а обнажает заброшенность.

Пространственное одиночество передается акустически. Пустота обнаруживается через гул шагов, завывание ветра, шум моря, отсутствие человеческой речи. В Мало-Тымове молодой смотритель живет в огромной казенной квартире, где одиноко раздаются его собственные шаги; тягучее время и невозможность заполнить его угнетают чиновника так, что он чувствует себя пленником [1, с. 164–165]. Этот эпизод существенен: островная изоляция захватывает не только заключенных. Даже представитель власти переживает пространство как тюрьму, хотя его несвобода не равна положению каторжного.

Второй уровень — социальное одиночество. Ссылка разрывает семейные, сословные и общинные связи. Человек юридически исключен из прежней среды, а новая колония не создает устойчивой принадлежности. Формальная семья может существовать только на бумаге; жена остается на родине, развод невозможен, новые отношения лишены правовой защиты. Даже добровольное следование женщины за мужем нередко заканчивается взаимным отчуждением: чувство вины, голод, страх за детей и повседневное унижение разрушают первоначальную солидарность.

Особое значение имеет тоска по родине. Она соединяет память о доме с невозможностью возвращения. В XXII главе родина идеализируется до такой степени, что сама возможность дышать «русским воздухом» воспринимается как высшее счастье [1, с. 343–344]. Такая идеализация выполняет защитную функцию, но одновременно усиливает разрыв с настоящим: остров лишается качества места, где можно укорениться, а человек существует в режиме постоянной отсрочки жизни.

Третий уровень — экзистенциальное одиночество. Оно возникает там, где социальную изоляцию уже невозможно объяснить только расстоянием или отсутствием семьи. Ссылный остается один на один с необратимостью собственной судьбы, виной, старением и смертью. Формула каторжных «мертвые с погоста не возвращаются» выражает переживание ссылки как символической смерти для прежнего общества [1, с. 346]. Человек еще жив, но его биография институционально объявлена завершенной.

Экзистенциальный характер одиночества особенно заметен в сценах молчания. Получив известие об окончании срока, поселенцы не выражают ожидаемой радости: они стоят серьезно и молчат, будто мысль о конце страданий сама вызывает печаль [1, с. 278–279]. Это молчание нельзя свести к эмоциональной сдержанности. Оно показывает, что освобождение по документу не возвращает утраченных лет, связей и ощущения будущего. Остров продолжает существовать внутри человека как опыт невосполнимой потери.

Путешественник также переживает одиночество, но его состояние имеет иную структуру. Он один стоит на корме, один входит в пространство неизменного, один принимает на себя ответственность за увиденное. Его одиночество временно и добровольно, поэтому оно не тождественно одиночеству ссылного. Однако именно эта дистанция делает возможной рефлексию. Повествователь оказывается между материком и островом, между администрацией и каторжными, между языком статистики и языком личной боли. Пограничность его позиции становится условием нравственного видения.

Таким образом, мотив развивается по направлению «физическая изоляция — социальное отчуждение — экзистенциальное одиночество». Эта последовательность не означает механической причинности: уровни пересекаются и усиливают друг друга. Ее художественная функция состоит в том, чтобы показать, как географическая граница становится внутренней. Остров оказывается не только местом одиноких людей, но и машиной производства одиночества.

Мотив страха и семантика пограничного состояния

Страх входит в книгу еще до непосредственного знакомства путешественника с каторгой. Приближение к Сахалину сопровождается беспокойством: герой не знает, будет ли ему позволено работать и как встретит его администрация. Этот страх перед неизвестным не парализует движение, но разрушает иллюзию нейтрального наблюдения. Путешественник осознает собственную уязвимость и зависимость от пространства, в которое вступает.

Пейзаж переводит тревогу в телесное ощущение. Темнота сгущается, горы «надвигаются», каторжный в белом внезапно появляется на вагонетке, и повествователю становится жутко [1, с. 65–66]. В этой сцене нет прямой опасности, однако обычные элементы ландшафта образуют фантастическую конфигурацию. Страх рождается из неопределенности границы между реальным и воображаемым. Слова кучера «У нас в России лучше» возвращают эпизод из эстетического регистра в социальный: жуть пейзажа оказывается связана с опытом человека, для которого остров исключен из понятия родины.

Для жителей острова страх имеет прежде всего институциональную природу. Это страх наказания, надзирателя, доноса, произвольного решения, новой судимости, потери относительных льгот. Он проникает в семейную жизнь: женщина ежедневно боится, что мужа накажут, обвинят, отправят в карцер, что он заболеет или погибнет [1, с. 256–257]. Такое состояние не связано с единичной угрозой. Оно становится фоном существования и подчиняет поведение логике ожидания беды.

Природный страх и дисциплинарный страх на Сахалине соединены. Тайга, мороз, море, туман и голод работают как «друзья надзора»: они удерживают беглого не менее эффективно, чем караул [1, с. 342–344]. Государство как бы передает часть репрессивной функции ландшафту. Поэтому нельзя противопоставить жестокую социальную систему равнодушной природе; в сознании заключенного они образуют единый контур несвободы. Граница острова страшна не сама по себе, а потому, что попытка ее пересечь означает риск гибели.

Вместе с тем страх не уничтожает стремления к свободе. Напротив, в сценах побега эти силы обнаруживают предельное напряжение. Чехов пишет о «животном страхе погони» и о готовности утонуть, лишь бы оказаться на воле [1, с. 351–352]. Парадокс заключается в том, что страх смерти уступает страху возвращения в прежнее состояние. Побег перестает быть рациональным планом и превращается в импульс подтверждения жизни.

Предельной формой мотива является страх смерти. В описании казни он представлен без романтизации: приговоренные теряют телесный контроль, впадают в обморок, начинают заговариваться [1, с. 336–337]. Физиологическая точность изображения не снижает нравственной силы эпизода. Напротив, она снимает абстракцию наказания и возвращает читателю реальность уничтожаемой жизни. Перед смертью преступник предстает не юридической категорией, а человеком, испытывающим универсальный ужас.

Страх утраты достоинства оказывается не менее значимым, чем страх физической боли. Система, основанная на публичном телесном наказании, угрозе и зависимости, стремится превратить личность в послушное тело. Чехов показывает, что репрессия, доведенная до совершенства, не исправляет, а превращает арестанта в «зверя», тюрьму — в «зверинец» [1, с. 354–355]. В этой оценке проявляется переход от наблюдения результата к нравственной критике самого принципа управления страхом.

Структурная функция страха двойственна. С одной стороны, он замыкает пространство: заставляет человека оставаться внутри границы, молчать и подчиняться. С другой стороны, он выявляет ценность того, что находится под угрозой, — жизни, свободы, дома, близости, достоинства. Именно поэтому мотив страха в книге не равен атмосфере ужаса. Он становится способом аксиологического проявления: ценность осознается особенно остро в момент возможной утраты.

Одиночество и страх как механизм ценностной трансформации путешественника

Соотношение острова, одиночества и страха образует в книге не линейную причинную схему, а повторяющийся интерпретационный цикл. Пространственная граница создает ситуацию изоляции; изоляция раскрывается как социальное и экзистенциальное одиночество; одиночество усиливает переживание угрозы; страх обнаруживает предельную ценность свободы и жизни; осознание этой ценности заставляет путешественника пересмотреть привычные моральные категории. Затем новый ценностный взгляд меняет само восприятие пространства: море, гора, тюрьма, дом и материк получают иное значение.

Первоначально путешественник располагается внешне по отношению к острову: он имеет право прибыть и уехать, сравнивает, спрашивает и записывает. Однако встречи с людьми постепенно делают эту внешность нравственно неустойчивой. Невозможность полностью разделить чужой опыт не освобождает от обязанности его понять и передать. Одиночество повествователя становится формой ответственного присутствия: он сохраняет дистанцию, не присваивая голос каторжного, но отказывается от безопасного безразличия.

Страх выполняет сходную посредующую функцию. Тревога перед островом сначала относится к собственной неопределенности путешественника; позднее она расширяется до понимания постоянного страха других. Этот переход от «мне жутко» к анализу системы, в которой страх организует повседневность, и составляет важный элемент ценностной трансформации. Личное чувство не становится центром книги, а служит начальной формой доступа к чужой уязвимости.

В результате свобода перестает быть самоочевидным фоном жизни. На Сахалине она раскрывается как положительная ценность через свои минимальные проявления: день вне тюрьмы, взгляд с горы, видимый берег материка, возможность дышать и выбирать. Современное исследование «рефлекса свободы» в книге убедительно

показывает, что желание побега трактуется Чеховым не как простая девиация, а как свидетельство неугасающего сознания жизни [25, с. 7–22]. Путешественник принимает эту логику и тем самым отказывается от взгляда, в котором порядок автоматически выше свободы.

Переоценивается и человеческое достоинство. Статус преступника не отменяет принадлежности к человеческому миру; вина не дает системе права на бессрочное унижение; исправление невозможно там, где наказание производит страх, болезнь и нравственное одичание. Эти выводы не формулируются как отвлеченная доктрина. Они возникают из монтажа фактов, эпизодов и авторских замечаний. Именно поэтому аксиология «Острова Сахалин» имеет опытный характер: ценностное суждение проходит проверку конкретной судьбой.

Сострадание также преобразуется из эмоции в форму познавательной и речевой ответственности. Оно требует видеть не только страдание, но и механизм его производства; не только жертву, но и сложность человека; не только единичное зло, но и повседневную нормализацию насилия. В этом смысле Чехов соединяет гуманистическую позицию с антидогматизмом, о котором пишут исследователи его мировоззрения [21, с. 84–93; 28, с. 110–129]. Путешествие не дает герою готовой формулы, но делает прежнюю нравственную нейтральность невозможной.

Таким образом, одиночество и страх являются не конечными результатами пребывания на острове, а динамическими механизмами перехода. Через них пространство становится опытом, опыт — рефлексией, а рефлексия — ценностным суждением. Сахалинская поездка меняет не набор абстрактных убеждений, а способ смотреть на человека: видеть за нормой исключение, за числом биографию, за преступлением жизнь, за границей — желание ее преодолеть.

Закключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что образ острова в книге А. П. Чехова функционирует одновременно в географическом, социальном, психологическом и аксиологическом измерениях. Сахалин представлен как отграниченный локус, но его смысл не исчерпывается природной изоляцией. Море, тайга, климат и расстояние включены в дисциплинарную систему каторги, поэтому остров превращается в разветвленный хронотоп несвободы.

Путешествие на Сахалин становится для повествователя формой ценностного опыта. Последовательность маршрута, перепись, общение с людьми и изучение документов ведут от внешнего наблюдения к нравственному свидетельству. В центре переосмысления оказываются свобода, достоинство, сострадание, справедливость, жизнь и ответственность. Эти категории раскрываются не декларативно, а через столкновение с их фактическим отрицанием.

Мотив одиночества имеет трехуровневую структуру. Пространственная изоляция острова и отдельных постов переходит в социальное отчуждение ссыльного от семьи и прежнего общества, а затем — в экзистенциальное переживание необратимости судьбы. Остров не просто содержит одиноких людей; его социальная организация воспроизводит одиночество как устойчивое состояние.

Мотив страха также выходит за пределы психологической реакции. Он соединяет неизвестность пространства, природную опасность, дисциплинарное насилие, страх наказания, смерти и утраты достоинства. Одновременно страх выявляет ценности, находящиеся под угрозой, и потому становится механизмом перехода от внешнего описания к внутренней этической оценке.

Итоговая модель может быть представлена как смысловая последовательность: островная граница — изоляция — одиночество и страх — рефлексия — переоценка ценностей. Ее звенья не образуют жесткой схемы, а многократно возвращаются в разных эпизодах и масштабах. Сахалин в книге Чехова становится пространством испытания, где географическое путешествие преобразуется в процесс этического и экзистенциального познания человека.

Список использованной литературы

- [1] Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 14/15: Из Сибири. Остров Сахалин. 1889–1895 / подгот. текста и примеч. М. Л. Семановой; ред. тома В. И. Кулешов. М.: Наука, 1978. 928 с.
- [2] Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 4: Письма, январь 1890 — февраль 1892. М.: Наука, 1975.
- [3] Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
- [4] Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- [5] Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996.
- [6] Цивьян Т. В. Остров, островное сознание, островной сюжет // Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2008. С. 151–160.
- [7] Беккер И. Л. Путешествие как способ социального бытия и становления личности // Известия ПГПУ. Общественные науки. 2006. № 2 (6). С. 80–86.
- [8] Иванова А. Н. Путешественник как личность с потребностью в новизне и самотрансценденции // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 51–58.
- [9] Разумова Н. Е. Творчество Чехова в аспекте пространства. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2001. 511 с.

- [10] Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. 2-е изд., доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 490 с.
- [11] Чудаков А. П. «Нехудожественная» книга в художественном мире Чехова // Сибирь и Сахалин в биографии и творчестве А. П. Чехова. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное издательство, 1993. С. 91–102.
- [12] Катаев В. Б. Автор в «Острове Сахалин» и в рассказе «Гусев» // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 232–252.
- [13] Семанова М. Л. Работа над очерковой книгой // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 118–141.
- [14] Ахметшин Р. Б. Характер изображения чужого мира в книге «Остров Сахалин» (по поводу завязки конфликта) // А. П. Чехов в историко-культурном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2006. С. 71–79.
- [15] Гитович И. Е. «Остров Сахалин»: текст и автор // А. П. Чехов в историко-культурном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2006. С. 54–59.
- [16] Степанов А. Д. «Сахалинский хронотоп» как основа поэтики позднего Чехова // А. П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия: материалы Международной научно-практической конференции. Южно-Сахалинск: Колорит, 2011. С. 23–28.
- [17] Капустин Н. В. О повторяющихся мотивах в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 3. С. 87–92. DOI: 10.20339/PhS.3-19.087.
- [18] Мифтахов И. Ф. Документальная художественность пейзажа в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19, № 4. С. 96–103.
- [19] Проваторова О. Н. «Остров Сахалин» А. П. Чехова — «Дума художника и человека о своем времени» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1 (201). С. 108–113.
- [20] Новикова Е. Г. Кругосветное путешествие А. П. Чехова как поездка на Сахалин: позиция писателя // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 75–81.
- [21] Франчи Ф. Сахалинский опыт в творчестве Чехова // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 4. С. 84–93. DOI: 10.15826/qr.2016.4.192.
- [22] Кибальник С. А. Чеховский «Остров Сахалин» в контексте русской классической прозы XIX века // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 252–267. DOI: 10.17223/19986645/74/14.
- [23] Одесская М. М. Пространственные и ментальные корреляты тюрьмы в «Острове Сахалин» и рассказах А. П. Чехова: художественный и документальный дискурсы // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 1. С. 132–157. DOI: 10.22455/2686-7494-2026-8-1-132-157.
- [24] Федосеева Т. В., Абдурауфова К. Т. Книга очерков А. П. Чехова «Остров Сахалин»: духовно-ценностный аспект изображенного мира // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 2 (91). DOI: 10.37724/RSU.2026.91.2.013.
- [25] Спачиль О. В. Рефлекс свободы в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» // Филология и человек. 2025. № 3. С. 7–22.
- [26] Горницкая Л. И., Ларионова М. Ч. Место, которого нет... Острова в русской литературе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 226 с.
- [27] Высоков М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток; Южно-Сахалинск, 2010. 847 с.
- [28] Полонский В. В. Вызов адогматизма: Чехов в оптике слома эпох. Рубец на биографии, или Ответ зоилам: «Остров Сахалин» Чехова // Два века от Карамзина: литература в диалогах с историей и межкультурных связях. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 110–129.
- [29] Нин Шилэй, Ли Сяньшу. Медицинский и колониальный дискурсы в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 2 (8). С. 118–132.
- [30] Созина Е. К. «Жесткий арестантский халат» в «беллетристическом гардеробе» А. П. Чехова: «Остров Сахалин» // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 4. С. 64–83.